

В нескольких сотнях ли к северу от Утёса Раскаяния возвышалась гора Цину. Настало начало лета, в садах пышно цвели груши, а по обе стороны горной тропы стелились бамбуковые рощи, исходившие сочной зеленью.

Мо Яньхань остановился перед заброшенной бамбуковой хижинкой. Едва заметным жестом он направил призрачную цзи: темные клубы обогнули строение, в мгновение ока сметая многолетнюю пыль и паутину, а трухлявая дверь и сломанная кровать были приведены в порядок.

Заросший сорняками двор вымостился синим кирпичом, у плетня зацвели дикие хризантемы, а глиняный чайник, наполненный родниковой водой, уютно закипел на алых углях. Внутри стало чисто и светло. По обе стороны кровати опустились белые занавеси с вышитым адовым пламенем красного лотоса, а само ложе застелили пышным тюфяком.

Бережно опустив свою ношу на кровать, Мо Яньхань собрался забрать свой плащ из вороньих перьев с золотой нитью — единственное подобное сокровище в поднебесной. Но, потянув за край, он не смог выдернуть ткань. Взглянув вниз, владыка призраков увидел, как пальцы Шэнь Хуайцзюня бессознательно вцепились в подол плаща, а сам он сжался в комок, пытаясь удержать ускользающее тепло.

Холодные вороны из Царства призраков несли в себе кровь древнего феникса, и их оперение служило естественной печью, неустанно источая теплую духовную силу огня.

Мо Яньхань опешил. Замерев на мгновение, он убрал руку и накрыл лежащего еще одним плотным одеялом.

Шэнь Хуайцзюнь, укутанный в вороний плащ, погрузился в глубокий сон. Мо Яньхань вышел в переднюю и заварил горячего чая. Он смотрел на незнакомую зелень гор, но на душе было беспокойно. Вернувшись в спальню, он раздвинул белый полог и аккуратно убрал с лица спящего полусухие пряди волос, вглядываясь в благородные, отрешенные от мирской суеты черты.

Лицо это казалось одновременно знакомым и чужим. Владыка призраков едва не забыл, что питал к нему ненависть целую сотню лет.

Орден Цинсяо возвышался на самом гребне горного хребта, наподобие драконьей головы. По одну сторону простирались благодатные людские земли, по другую — Дикие земли расы демонов. Главный дворец ордена возвышался точно на границе, словно божественный меч, вонзенный в землю для защиты обоих миров.

Внутри главного зала за чайным столиком восседал Бессмертный господин в золотой короне. Черты его лица отличались утонченной красотой. Вокруг струился нежный аромат, пока

стоявший напротив слуга-мальчик трепетно наполнял пиалу.

Налитый до краев напиток являл собой изысканное зрелище: розовый сок персика и белая паста из грушевых цветов переплетались в форме узора тайдзи. Бай Шэн приподнял бровь, чинно подобрал широкие рукава и, выпрямив спину, пригубил из белой фарфоровой чашки.

— Водянисто, — ровно произнес он.

Прислуга тут же упала на колени и забила челом:

— Простите, Бессмертный господин! Дайте мне еще один шанс! Этот вкус так сложно подобрать, у меня никак не получается!

Истинный господин Бай Шэн не пил духовный чай, предпочитая ему цветочный. Да не просто цветочный: он требовал смешивать персиковый сок с грушевой пастой так, чтобы в чашке ярко-алый цвет сочетался с ослепительно-белым. В итоге получалось нечто несуслазное — кислая, вязущая бурда, которую невозможно было сглотнуть.

Однако Бай Шэн пил этот отвар с видимым удовольствием, будто смакуя каждую каплю горечи.

Слегка качнув рукой, Бессмертный господин разрешил мальчику подняться:

— Пустяки. Добиться хотя бы такого слияния — уже немалый труд.

Мальчик облегченно вздохнул. В ордене толковали, будто Бессмертный господин Бай от природы мягок и сердоболен, и сегодня он убедился в этом лично.

Набравшись храбрости, слуга спросил:

— Этот цветочный чай ведь так горчит... Отчего же вы, Бессмертный господин, отдаете предпочтение именно ему?

Губ Бай Шэна коснулась легкая улыбка:

— Разумеется, дабы почтить старого друга.

Под изумленным взглядом мальчика Бай Шэн поднес чашу к окну, повернулся в сторону Утёса Раскаяния и медленной дугой выплеснул остатки чая, словно совершая поминальный обряд. Капли пали на пол. Лик его, который в мире смертных нарекали воплощением милосердия и сострадания, слегка исказился — милостивый лик Будды низвергся в адское пламя.

Вдруг в зал кто-то вбежал, едва не сбиваясь с ног:

— Бессмертный господин Бай, беда! Духовная лампа жизненной силы Шэнь Хуайцзюня всё ещё горит!

— Что?! — Изменившись в лице, Бай Шэн резко поднялся. — Ты ничего не перепутал? Глаза тебя не обманывают?

Прежде чем вестник успел ответить, снаружи раздался твердый, уверенный голос:

— Не обманывают.

В чайную комнату стремительно вошел человек в пурпурно-золотом даосском одеянии. Это был Гао Линъяо. Тяжело дыша, он уставился на Бай Шэна пылающим взглядом:

— Учитель, сегодня утром я отправился в запретные земли, чтобы забрать звездную лампу жизненной силы Шэнь Хуайцзюня. Но когда я пришел, огонь в ней все еще теплился!

Если духовная лампа горит, значит, человек жив.

— Но как такое возможно?! Там ведь небесный гром! Настоящий небесный гром! — ахнула прислуга.

Эти слова озвучили мысли каждого. В глубинах Пруда Уничтожения Бессмертных бушевал беспощадный небесный гром, несущий верную смерть любому, кто дерзнет туда шагнуть. Шэнь Хуайцзюнь должен был сгореть дотла. Почему же его лампа горела всю ночь?

Бай Шэн, однако, лишь мягко улыбнулся и спросил Гао Линъяо:

— И что же думает мой дорогой ученик?

Гао Линъяо на мгновение замялся, а затем небрежно отмахнулся:

— Шэнь Хуайцзюнь — преступник. Если он воспользовался случаем и сбежал, его следует схватить и вернуть.

— Хорошо, — кивнул Бай Шэн.

Он только собирался узнать, кого стоит отправить на поиски, как Гао Линъяо круто повернулся и покинул зал, даже не попрощавшись с наставником.

Проведя взглядом удаляющуюся спину ученика, Бай Шэн безмятежно опустил обратно в кресло и сделал знак мальчику продолжить чаепитие. Сжимая в пальцах фарфоровую пиалу, он залюбовался зеленью за окном.

— У Шэнь Хуайцзюня в прошлые годы хватало врагов, — едва слышно пробормотал Бай Шэн. — Кто знает... столкнется с парой-тройкой — да и сгинет где-нибудь на дороге.

Мо Яньхань стоял у окна, скрестив руки на груди.

Небесный Дао совершает свой извечный круг: все процветает и увядает. Царство призраков, зародившись на берегах реки Забвения, разрослось на сотни тысяч ли. Взрастали призрачные заклинатели, и этим землям потребовался владыка.

И тогда явился он. Его тело тысячелетиями формировалось на Древнем поле битвы бессмертных и демонов. Из стенаний и безудержной ярости бесчисленных душ заклинателей и демонов наконец выкристаллизовалось призрачное сердце, а спустя еще несколько веков упорной культивации зародилось духовное сознание.

В те времена его разум оставался смутным, а облик — туманным и неоформленным. Впервые разомкнув очи, он увидел прекрасного белоголового бессмертного. Тот был благороден и возвышен, прям, словно серебряный клинок, и чист, как снег на вершинах или лунный свет над бамбуковой рощей. С первого же взгляда призрачное сердце Мо Яньханя оказалось навеки пленено.

Кабы пересказать это языком людских сказаний, то зовется сие любовью с первого взгляда.

Едва явившись в мир, он замер как вкопанный. Заметив же, что белоснежный бессмертный взирает на него с холодной отчужденностью, новорожденный владыка решил преподнести ему подарок, дабы выслужить благосклонность. В туманном мареве его взору предстало множество нечистых сердец.

Он не ведал, кому они принадлежали и откуда взялись; он знал лишь, что они живыми толчками бились у него перед глазами, с каждым ударом выплескивая гнилую, черную кровь и источая тошнотворный тепловатый дух. Самое первое сердце из них было изъедено тысячей язв, подточено змеями да гадами и кишело белыми червями — зрелище на редкость забавное!

И вот, руководствуясь извращенным вкусом свирепого призрака, он выбрал именно это сердце и в нетерпении ринулся вперед, вознамерившись вырвать его и преподнести ледяному красавцу — лишь бы тот улыбнулся.

Но в то же мгновение земля под его ногами разверзлась бездонной пропастью, обнажив

бурлящую магму. Серебряный меч, готовый расколоть небеса и землю, обрушился прямо ему на голову, и не успел призрак опомниться, как его загнало обратно в Царство призраков. Мало того, на его груди отпечаталось Кольцо из белого нефрита и лотоса, скрепленное каплей чистейшей крови, опечатавшее его и не позволявшее ступить за пределы родных земель ни единого шага.

Так он и оказался заточен в Царстве призраков на два полных века.

Поначалу он искренне раскаивался, полагая, что красавцу просто не пришлось по душе окровавленное сердце. Черное, липкое, еще и с червями — конечно, такое вызовет лишь отвращение! Следовало бы выбрать какой-нибудь полупрозрачный, чистый череп. Но когда его разум окончательно созрел — особенно после того, как ворон Бошэ принес ему целую охапку людских книжонок, — Мо Яньхань с опозданием осознал: пути живых и призраков не пересекаются, а бессмертные культиваторы и призрачные практики — заклятые враги от рождения.

Он, Владыка призраков, и Шэнь Хуайцзюнь были непримиримыми противниками, и Кольцо из белого нефрита и лотоса служило тому неопровержимым доказательством.

Но прямо сейчас этот заклятый враг жил в его доме, спал под его одеялом и укутывался в его плащ, совершенно не намереваясь отдавать вещь обратно!

На душе у Мо Яньханя было скверно. Мысли сплетались в тугой, спутанный клубок, который невозможно было распутать, и жгли сердце, подобно адскому пламени красного лотоса.

В конце концов он достал из-за пазухи баночку из белого фарфора, выудил оттуда зеленую засахаренную сливу, отправил её в рот и, подперев голову рукой, уставился на спящего.

Эти двести лет заточения дались ему непросто. Едва выбравшись из детского возраста и обретя облик юноши, он всем сердцем воспылал желанием побывать в людском мире. Однако заклятие белого нефрита держало крепко, и ему оставалось лишь довольствоваться человеческими книжками да сладостями, что приносили слуги.

Подобные подарки не утишали его любопытства, напротив — распаляли его еще сильнее. Ему не терпелось своими глазами увидеть цветущие персиковые рощи, попробовать кушанья разных земель... А вместе с этим стократ возрастала и ненависть к Шэнь Хуайцзюню.

Он помнил, как измышлял сотни способов расправиться с обидчиком.

— К примеру, окутать всё вокруг черным туманом, выпустить марионеток и прикончить тебя, заманив в иллюзию, — тихо проговорил Мо Яньхань, обращаясь к спящему бессмертному. — Ради этого я целых двадцать лет усердно постигал построение призрачного тумана.

Взгляд его сместился на тонкую, хрупкую шею. Ему даже не требовалось применять духовную силу — достаточно было легкого нажатия пальцев, чтобы переломить кадык. И заклятый враг, о мести над которым он грезил двести лет, навеки исчезнет из этого мира.

Мо Яньхань в замешательстве протянул руку. Проскользнув сквозь шелковистые пряди волос, его большой палец коснулся горла Шэнь Хуайцзюня. Кожа под подушечкой оказалась гладкой и нежной, а легкие толчки дыхания — размеренными.

Внезапно биение под пальцем сбилось, и погруженный в сон Шэнь Хуайцзюнь тихо закашлялся.

От неожиданности Мо Яньхань отдернул руку и уставился на бессмертного. Лицо Шэнь Хуайцзюня побледнело, между бровями залегла мучительная складка. Не просыпаясь, он сжался от приступа кашля, а мгновение спустя его веки медленно дрогнули и приоткрылись.

Лунный свет проникал сквозь окно, падая на белоснежный тюль занавесей. Сознание Шэнь Хуайцзюня медленно прояснялось.

Перед глазами плавала мутная пелена. Стоило чуть повести плечом, как тело отозвалось такой режущей болью, словно тысячи ледяных клинков насквозь пронзили внутренности. Любое движение порождало волны страданий, а голова раскалывалась. Слова, услышанные на дне пруда, выжглись в памяти и без конца повторялись, эхом отдаваясь в разуме:

"Судьба знает взлеты и падения. Сия Небесная книга пошла против Небесного Дао: возвысив одного, она лишила тебя удачи на пути к бессмертию..."

"Оттого-то за те два века, что ты учил учеников, ни один из них не был искренен с тобой, и ни с кем из них не удалось взрастить добрых плодов..."

"Не падай духом. Небесный Дао восстановил порядок, и Пруд Уничтожения Бессмертных не отнимет твоей жизни. Возвращайся."

Этот древний, глухой голос звучал подобно вечным священным песнопениям. Он бесстрастно поведал о причинах и следствиях последних двухсот лет и увещевал не предаваться отчаянию, обещая, что Небесный Дао судит справедливо.

Но Шэнь Хуайцзюню всё это казалось лишь злой насмешкой. Что толку в восстановленной удаче? Что дало ему знание истины?

В глубинах Пруда Уничтожения Бессмертных бушевал древний небесный гром. И пусть небеса пощадили его, признав невиновность, древняя грозная ярость, годами копившаяся в воде,

окончательно выжгла остатки его духовных сил. Ныне его культивация была уничтожена, а сам он превратился в беспомощного калеку.

— Кха-кха...

От тяжести увечий дыхание перехватило. Властвовавший в теле мороз воспользовался мгновением слабости и ринулся в атаку на внутренние органы. Едва придя в себя, Шэнь Хуайцзюнь был вынужден склониться к краю кровати, глухо кашляя и пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

Однако скопившийся внутри лед не собирался отступать. Вновь накатила волна дикой боли. Шэнь Хуайцзюнь судорожно вцепился пальцами в деревянный каркас ложа. Вены на его руках натянулись, он стиснул зубы, сминая в горле стоны; спина его непрерывно дрожала, а ладони покрылись холодным потом.

Мо Яньхань стоял у кровати, состряпав недовольную мину. На душе у него было неописуемо скверно: он ведь палец о палец не ударил, а Шэнь Хуайцзюнь уже корчился у изголовья, будто вот-вот испустит дух. Ситуация получалась крайне неловкой для заклятого врага, явившегося ради мести.

«Может, дать ему воды, чтобы хоть горло промочил? — замешкался владыка призраков. — А то спросит потом Бошэ, как я отомстил, а мне и ответить нечего... Не признаваться же, что этот Шэнь Хуайцзюнь сам загнулся от холода и боли!»

<http://bllate.org/book/20545/2106117>